

Чэн Юэ посмотрел на пять пустых раковин устриц перед ним, затем на чистую, как у небожительницы, тарелку Кун Лина и подумал, что Бай Сяо, видимо, лягнул его осёл.

Однако странно, что отношение Кун Лина к Бай Сяо, кажется, стало немного лучше, чем в самом начале.

*

Позже все трое беседовали очень весело. Кроме Чэн Юэ, остальные выпили немало вина, но не до опьянения, лишь слегка захмелели.

Водитель приехал забрать Чэн Юэ и Бай Сяо домой. По дороге Чэн Юэ почувствовал лёгкую тошноту — с тех пор как забеременел, его время от времени укачивало в машине, вероятно, из-за ухудшения физического состояния.

Когда уже почти доехали до дома, Бай Сяо попросил водителя остановиться и вышел вместе с Чэн Юэ немного прогуляться. Отсюда до дома пешком около получаса.

Ночной ветерок был приятным, время ещё не слишком позднее, совместная прогулка оказалась довольно приятной.

Лицо Бай Сяо всё ещё было слегка румяным, и он всё время держался на некотором расстоянии от Чэн Юэ, боясь, что тот учует запах алкоголя.

В машине он уже рассказал Чэн Юэ о том, что Кун Лин говорил ему об обмене ролями: сначала поблагодарил его, а затем пересказал Чэн Юэ историю любви, которую рассказал Кун Лин. В конце концов, Чэн Юэ приложил столько усилий, чтобы помочь ему получить роль, и сейчас просто так отдать её было не совсем правильно; он всё же боялся, что Чэн Юэ разозлится.

Кто бы мог подумать, что, выслушав его, Чэн Юэ посмотрел на него каким-то особенным взглядом, и в конце концов уголки его губ тронула лёгкая улыбка:

— Я понял. Могу это понять.

Фильм Кун Лина называют масштабным проектом, но станет ли он кассовым или провалится — ещё неизвестно. Однако уровень режиссёра Ван Цзи всегда стабилен. В конечном счёте, выбор между этими двумя ролями похож на азартную игру.

Бай Сяо готовился так долго, сделал столько разборов и тренировок, и вот из-за таких эмоциональных доводов другой стороны отдал роль, которая могла бы принадлежать ему. Это, на самом деле, не рационально.

Но почему-то это пришлось ему по душе.

После выхода из машины зазвонил телефон. Чэн Юэ достал его и посмотрел: сообщение от Фан Вэньцзина.

[По поводу того, о чём ты говорил сегодня: подтвердилось, что изначально кто-то получил ту роль через инвестора, но позже планы изменились, и выбрали Бай Сяо. Ему просто повезло, вероятно, Цюй Хао неправильно понял.]

Прочитав это, Чэн Юэ, вдыхая ночной ветерок, почувствовал, что его несколько подавленное сегодня настроение стало немного светлее.

Но осадок всё же остался.

— После того раза совсем забыл спросить: ты часто ходишь прыгать с парашютом с Оу Е?

— Ну, бывает. Когда есть время, иногда ходим.

— В тот день я видел, как ты пользовался его картой. Тебе лучше дать ясное объяснение.

После того дня атмосфера была слишком хорошей, поэтому он почти полностью забыл об этом.

Бай Сяо медленно остановился и с улыбкой спросил Чэн Юэ:

— Генеральный директор Чэн... это ревнует?

Чэн Юэ замер на месте, увидев его двусмысленную улыбку, и поспешно отвел взгляд.

— Нет, — он ускорил шаг, развернулся и пошёл прочь, но тут же его запястье схватили.

На этот раз за левую руку. Сердце Чэн Юэ ёкнуло, и он немедленно силой вырвался.

На том запястье ещё был уродливый шрам, заживший не так давно... Хотя его скрывала рубашка, Чэн Юэ всё равно был к этому чувствителен.

Бай Сяо тоже вдруг вспомнил об этом и поспешил разжать руку.

Оба на мгновение замолчали. Чэн Юэ больше не смотрел на него и продолжил идти вперёд.

Бай Сяо поспешил догнать его и объяснил:

— Я же в прошлый раз говорил тебе, что мы с Оу Е дружим с детства?

— Говорил. Но как ты, собственно, мог дружить с детства со вторым молодым господином из семьи Оу? — Их семья же не разбогатела внезапно.

— Когда я был совсем маленьким, родители отдали меня учиться боевым искусствам в довольно хорошую школу ушу. Оу Е тоже там учился... Мы с ним тогда постоянно дрались. Оба были маленькие, подрались-подерулись, и в драках родилась дружба. После этого отношения всегда были хорошими. Я только позже узнал, что он второй молодой господин из семьи Оу.

— Но в детстве никаких понятий об этом не было. В детстве он был даже выше меня, всегда задирали меня. Потом, когда немного подросли, я быстро прогрессировал, и уже я стал его тереть об землю. Дружба, рождённая в драках, наверное, не так быстро исчезает.

— Поэтому, когда я вернулся, мы всё ещё часто общались. Но, по сути, только сходили попрыгать с парашютом. Карту в то место я себе позволить не могу. Молодой господин Оу тоже не придаёт значения этим деньгам. Если я буду настаивать на том, чтобы отдать ему, это будет выглядеть слишком неестественно. Придётся потом хорошо зарабатывать и возвращать, верно?

— Угу, — Чэн Юэ принял это объяснение и добавил:

— В следующий раз, если пойдёшь, бери мою карту.

Услышав это, Бай Сяо тихонько рассмеялся:

— Генеральный директор Чэн так меня балует... мне нужно стать достойной маленькой феей.

— С твоим-то телосложением ещё маленькая фея? — съязвил Чэн Юэ, но щёки его слегка порозовели.

И тут он почувствовал, как рука Бай Сяо приблизилась и сжала пальцы его левой руки в своей ладони.

Ладонь Бай Сяо была сухой и тёплой, лёгкое покалывание передавалось от кончиков пальцев. Сердце Чэн Юэ дрогнуло. Он как раз хотел вырваться, как тёплые пальцы впелись между его пальцами, сцепившись в замок.

Чэн Юэ резко повернулся к нему и увидел на его лице лёгкую улыбку, навеянную хмелем. Прекрасные глаза под светом ночных фонарей казались ещё более глубокими и выразительными, с оттенком нежности и привязанности.

Чэн Юэ почувствовал, как его сердце начало бешено колотиться, неподконтрольно. Он попытался высвободить пальцы, но не преуспел. Горло его слегка сжалось, и он хрипло произнёс:

— ...Отпусти.

— Не отпущу, — с некоторым упрямством сказал Бай Сяо, сжимая его руку ещё крепче, постепенно приближаясь. Затем, глядя ему в лицо, низким голосом произнёс:

— Ты такой красивый.

Уши Чэн Юэ мгновенно запылали. Избегая взгляда, он силой вырвал руку из руки Бай Сяо и зашагал вперёд.

Что во мне красивого...

Сердце Чэн Юэ бешено колотилось. Затем он подумал: он, наверное, слишком много выпил.

*

Генеральный директор Чэн в последнее время постоянно глубоко размышлял о своей проблеме:

Как содержатель, как он может перед своим содержанцем то и дело краснеть?

Как можно под его двумя-тремя словами приходить в волнение, заставляя сердце биться чаще?

Как можно полностью поддаваться постыдному инстинкту гормонов, теряя волю разумного человека?

...

Генеральный директор Чэн решил, что в эти дни он должен относиться к Бай Сяо холодно, как ко льду, чтобы тот не думал, что его так легко... задеть.

Хм.

Однако сцены прошлой ночи невольно всплывали в памяти.

После возвращения домой Бай Сяо, видимо, слегка опьянённый ночным ветром, стал ещё более дерзким. Когда Чэн Юэ заставил его идти спать и толкнул в комнату, тот уцепился за косяк смерти, жалобно глядя на него, и спросил:

— А нельзя поцеловать на ночь?

— Нельзя, — лицо Чэн Юэ было ледяным, но внутри он паниковал, — катись спать!

Затем он пнул Бай Сяо в спальню, насильно закрыл дверь, но последний взгляд того был таким обиженным, что вызывал сочувствие.

...Какого ещё сочувствия! Он точно специально!

При этой мысли рука Чэн Юэ, подписывавшего документы, дрогнула, и кончик ручки продырявил бумагу.

— ... — Чэн Юэ поднял голову и посмотрел на секретаря Ян. — Распечатай этот лист заново.

*

Позже Бай Сяо узнал, что съёмки «Меча Решимости» будут долгими и начнутся только после марта следующего года. Прикинув время, он понял, что как раз тогда не сможет уехать.

Ведь примерно к апрелю-маю Маленькому Саженцу в животе Чэн Юэ предстоит появиться на свет.

Раньше он об этом не задумывался, всёцело стремясь получить роль. А теперь он предпочёл бы взлететь позже, оставить побольше времени, чтобы как следует побыть с Чэн Юэ, позаботиться о нём и Маленьком Саженце.

Теперь, поразмыслив, даже если бы роль в итоге досталась ему, у него, вероятно, не было бы души играть. Так что сейчас всё сложилось наилучшим образом.

Фильм Кун Лина начнут снимать во второй половине года. В последнее время ему часто приходится ходить на занятия и тренировки, а через месяц будут съёмки другого сериала.

Эх... Бай Сяо вздохнул. С самого детства он никогда не чувствовал себя так, как сейчас: просто хотел быть бездельником, который каждый день сидит дома.

...А нет, не бездельником, а счастливым альфонсом, который живёт за чужой счёт и веселится.

*

Семнадцатого октября был день рождения матери Чэн Юэ. Чэн Юэ не пошёл в компанию, а рано утром ушёл из дома, взяв заранее приготовленные подарки.

Бай Сяо же просидел дома целый день, помогал тёте Мэй по хозяйству, поливал цветы, а затем, взяв новую книгу «Искусство драматической игры», устроился в кабинете Чэн Юэ и принялся внимательно читать.